

мость учреждения Министерства земледелия. – Мы можем ускорить наше хозяйственное устройство лишь **дружными, общими** усилиями **всех** учреждений», а для этого необходимо объединить действия отдельных рационализаторов, сельскохозяйственных обществ, земств и государственной власти. – 1 апреля 1894 г. // Хозяин. 1894. № 13 (1 апреля). С. 245–248.

⁷⁵ См., например, мнение В.В. Алексеева и И.В. Побережникова. – Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. С. 53. Исследователи условно определяют подобный тип модернизации как «феодальный», отмечая в качестве инициатора и своего рода «верховного покровителя» модернизационных процессов российское государство. Как мы убедились, материалы, относящиеся к аграрной рационализации Центрального Нечерноземья, подобный вывод не подтверждают.

© 2004 г. А. Ю. АНДРЕЕВ*

«ГУМБОЛЬДТ В РОССИИ»: МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И НЕМЕЦКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Широко распространенное суждение о том, что российская университетская система была образована под европейским влиянием, нуждается в уточнении и конкретизации. В современной историографии эта тема кажется общеизвестной и именно поэтому, как это ни парадоксально, недостаточно разработанной. Еще в знаменитом письме М.В. Ломоносова к И.И. Шувалову об основании Московского университета прозвучала фраза о намерении учредить университет «по примеру иностранных». Однако историки прежде не задавались вопросом о сути этого «примера», иными словами, о том, в какой степени российские университеты отражали иностранные образцы, а в чем, напротив, выражались национальные особенности высшего образования; какие именно европейские университетские модели влияли на русское просвещение и с помощью каких механизмов это влияние передавалось, и вообще, насколько глубоко оно могло быть усвоено в России. В историографии не учитывалось и то принципиальное обстоятельство, что в период становления российских университетов происходило изменение самих иностранных образцов. Это по сути означает, что под «европейским влиянием» в разные эпохи следует понимать совершенно разные исторические тенденции.

Особую актуальность эти проблемы приобретают в свете современных исследований по истории российских университетов, в которых ставится вопрос об истоках национальной университетской системы¹. Крупные труды по этой теме, например, продолжающие выходить до настоящего времени книги Ф.А. Петрова², обладают при всех своих неоспоримых достоинствах тем недостатком, что в них совершенно отсутствует контекст, в котором находилось развитие отечественных университетов в свете общей их истории в Европе того времени. Между тем, восстановить такой внешний контекст русской университетской истории представляется очень важным, и в особенности для первой половины XIX в. – эпохи, когда закладывались основные принципы, формировавшие облик собственно российского университета.

Именно этот период явился решающим не только для русского, но и для всего европейского высшего образования, где в начале XIX в. произошел сдвиг в представлениях о содержании и задачах университетов. Из средневековых корпораций они были преобразованы в государственные учреждения, занимающиеся как образовательной,

* **Андреев Андрей Юрьевич**, кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Спенсера, программа «Социальные исследования в области высшего образования», и фонда Gerda Henkel Stiftung, проект № AZ 07.Sr.02.

так и научной деятельностью. Этот переход оказался решающим для будущей судьбы университетов, поскольку позволил им вернуть значение ведущих научных центров, потерянное ими в XVII–XVIII вв., и преодолеть главный недостаток, тормозивший их развитие, – корпоративную замкнутость, основывающуюся на «академических свободах» (автономии), природа которых была аналогична цеховым привилегиям, некогда игравшим положительную роль, но к началу Нового времени давно отжившим свой век.

Сбросить средневековые пережитки университетам помогло энергичное вмешательство государства, в наиболее четкой форме проявившееся на территории Германии, где в начале XIX в. возникла так называемая модель «немецкого классического университета». Крупным достижением современной зарубежной историографии является демонстрация того, насколько сильно эта модель смогла повлиять на развитие университетского образования во всем мире, во многом определив его облик вплоть до нынешнего дня³. Главным же идеологом, сформулировавшим новые университетские принципы, признан выдающийся государственный и общественный деятель, ученый-филолог, основатель Берлинского университета Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835)⁴.

Именно Гумбольдту удалось превратить средневековую автономию в современные принципы «ученых свобод», для полной реализации которых необходима была поддержка государства, бравшего на себя заботу о развитии университетской науки и образования. В то же время государство не должно было вмешиваться в научную жизнь, понимая, что само оно не является движущей силой этого процесса, зато способно стать для него помехой, не предоставив ему достаточно простора⁵.

Основными принципами, определявшими облик университета в «модели Гумбольдта», стали, во-первых, *свобода преподавания и обучения*, открывавшая широкие возможности для развития творческого потенциала профессоров и студентов; во-вторых, *единство преподавания и исследовательской деятельности*, которое зиждилось на представлении, что университеты должны не только передавать, но и умножать знания, а кафедры могут занимать только те ученые, которые сами ведут активную научную работу; наконец, в-третьих, *единство научного знания*, что требовало от университета энциклопедически обнимать весь круг наук, а также развивать их во взаимной связи, способствуя созданию единой научной картины мира.

Конечно, рождение «немецкого классического университета» состоялось не только потому, что Гумбольдт смог сформулировать его задачи и особенности, оно вызревало еще в XVIII в. в таких немецких университетах, как Галлеский, Иенский, Геттингенский, где уже были озвучены многие новые, принципиально важные идеи. Но именно в XIX в. эти принципы воплотились в многочисленные конкретные образцы, прежде всего внутри самой Германии – в Берлине, Мюнхене, Бонне и других университетах, что привело их к выдающимся успехам (настолько, что немецкие университеты конца XIX – начала XX в. даже стали называть «кузницей нобелевских лауреатов»), а также смогло утвердить наивысший статус университетского образования в системе общественных ценностей.

Россия имела возможность пристально изучать эти кардинальные изменения облика университетов Европы, стремясь эффективно использовать их в ходе построения собственной системы высшего образования. В данной статье будет проанализирована проблема отношения к немецким университетам (их прежнему опыту и новым чертам в их развитии) в ходе университетских реформ в России первой половины XIX в. Решающую роль в этом контексте играет изучение политики Министерства народного просвещения, которое руководило всеми российскими университетами, определяя их внутреннее и внешнее устройство в ходе создания университетской системы в начале XIX в., а затем задавая основные направления их дальнейшего развития. Отношение министерства к немецким университетам сводилось к двум основным моментам: во-первых, в них видели образец для подражания, а иногда и прямого заимствования в ходе строительства собственной университетской системы, и, во-вторых, немецкие университеты должны были помогать наполнению этой системы профессурой, сначала путем прямо-

го приглашения ученых, затем с помощью обучения в Германии будущих русских профессоров.

В позиции министерства по этому вопросу в первой половине XIX в. можно выделить несколько периодов, граница каждого из которых означала резкое изменение его отношения к немецким университетам – от максимально благожелательного в начале 1800-х гг., когда в только что основанные или преобразованные университеты России хлынул поток немецких ученых и начались активные командировки русских университетских воспитанников в Германию, до резко негативного после 1818 г., в период министерства кн. А.Н. Голицына, который видел в немецких университетах очаг «революционной заразы». В первые десятилетия царствования Николая I рядом мер (в том числе открытием Профессорского института (1828) для подготовки будущих преподавателей высшей школы с помощью заграничных командировок), в результате которых в Германии было образовано целое поколение молодой российской профессуры, министерство вновь признало за немецкими университетами значение двигателя русской науки и образования. Однако после 1848 г., с началом «мрачного семилетия», не только прекратились заграничные командировки, но и самые основы уже достигнутых российскими университетами успехов были поставлены под сомнение. Немецкое влияние, безусловно, отразилось, хотя в неодинаковой степени, и в университетских уставах 1804 и 1835 г.

«Университетский вопрос» в Главном правлении училищ

Анализ первого периода необходимо начать уже с первых месяцев деятельности Министерства народного просвещения. 23 января 1803 г. были утверждены Предварительные правила народного просвещения, регламентировавшие создание системы университетов в Российской империи. К существовавшему Московскому добавлялся утвержденный Александром I в 1802 г. университет в Дерпте, а также готовившиеся к открытию – в Вильне, Казани, Харькове и Санкт-Петербурге. Университетам в новой системе образования отводилась ключевая роль центров учебных округов, призванных контролировать и развивать училища низших степеней. Кроме того, они наделялись правом производства в ученые степени (кандидата, магистра и доктора) во всех областях наук.

На первый взгляд, эти реформы идеально соответствовали духу «европеизации России», столь характерному для начала царствования Александра I. Однако если взглянуть на реформу 1803 г. в контексте истории университетов Европы того времени, то возникает немало серьезных вопросов.

Как уже говорилось, на рубеже XVIII–XIX вв. европейские университеты пережили кризис, причем настолько глубокий, что вполне могли бы вообще исчезнуть с исторической сцены. Еще в начале XVIII в. они стали подвергаться резкой критике с позиций идей Просвещения. Просветители видели в них «гнилой на корню плод средневековья» – замкнутые, корпоративные учреждения, занятые лишь борьбой внутренних группировок и совершенно не способные к развитию науки. Так, во время Французской революции вместе с ликвидацией других пережитков «старого режима» все университеты Франции были закрыты; та же участь вскоре постигла и университеты тех государств, на которые перекинулась революционная волна. В ходе наполеоновских войн этот процесс затронул почти всю Германию, где университеты гибли частично по политическим обстоятельствам (например, в областях, завоеванных французами), частично из-за экономических неурядиц, окончательно подорвавших положение тех из них, финансы которых и без того слабели. Всего же за это время в немецких землях было закрыто 22 высших школы, в том числе, например, такие старейшие и некогда уважаемые университеты как Кельнский, Эрфуртский и Виттенбергский⁶.

Закрыв свои университеты, Франция приступила к строительству новой системы высшего образования. В ее основу был положен принцип организации специализированных школ, каждая из которых ведет преподавание в определенной области знаний.

Яркий пример учебного заведения такого рода – Политехническая школа в Париже, где углубленно изучались точные науки и инженерное дело, – возник в 1793 г. и оказал немалое влияние на умы современников, в том числе за пределами Франции, демонстрируя успешность новой образовательной модели. Уже на рубеже XVIII–XIX вв. деятели высшего образования Пруссии воспринимали французскую систему образования как реальную и даже предпочтительную альтернативу университетам⁷.

Возвращаясь к реформе народного просвещения в России в 1803 г., естественно задаться вопросом: почему в тот момент, когда по всей Европе университеты закрывались, в России они, наоборот, открывались, и притом в немалом количестве? Из этого парадоксального вопроса вытекают следующие – а какие же, собственно, представления об университетах имели деятели российского народного просвещения начала XIX в.? Видели ли они в университетах те же самые черты, которые критиковались в Европе как пережиток средневековья, или вкладывали в это понятие какое-то новое содержание?

Помочь ответить на эти вопросы может обращение к взглядам на университетское образование, высказывавшимся в Главном правлении училищ – коллегиальном органе управления Министерства народного просвещения, через который проходили все проекты реформ. В целом, есть основания утверждать, что существовавшее в Европе критическое отношение к прежним университетам разделялось многими членами Правления. Так, гр. П.А. Строганов (чье якобинское прошлое определяло его симпатии к революционной Франции) полагал, что в России университеты не нужны и предлагал строить систему высших училищ по типу специализированных школ⁸. Кн. А. Чарторыйский также симпатизировал французской системе, в которой его привлекала строгая иерархичность и соподчиненность низших училищ высшим: именно так организовывала народное образование в Польше 1780-е гг. так называемая Эдукационная комиссия, опыт которой был Чарторыйскому ближе всего. По плану комиссии, польские высшие школы (академии) должны были руководить всеми низшими училищами своего округа. Благодаря усилиям князя этот принцип был положен в основу системы управления учебными округами в России. Что же касается внутреннего устройства высшей школы, то представленный Чарторыйским проект Виленского университета (1803), по мнению современного исследователя, был дальше всего от прообразов немецких университетов, так как его автор стремился воплотить «идеальную модель польско-католического высшего учебного заведения»⁹. В частности, традиционное (и даже единственно возможное) для прежних университетов деление факультетов на богословский, юридический, медицинский и философский в проекте Чарторыйского было заменено заимствованной из Франции структурой, в которой помимо медицинского полагались факультеты физико-математических, нравственно-политических и словесных наук (именно так впервые были поделены научные отрасли при организации французского Национального института в 1795 г.). Таких же взглядов на систему преподавания придерживался и другой член Главного правления училищ, академик Н.И. Фус, предлагавший в посвященной университетам главе своего «Плана организации народных училищ» (1802) деление на факультеты именно по примеру Национального института¹⁰. А поскольку в 1803 г. Правление поручило Фусу разработку статей университетского устава, касающихся внутренней структуры университета, то закономерно, что эти же факультеты в конце концов вошли и в окончательный текст устава 1804 г.

Особую позицию при обсуждении «университетского вопроса» в 1802–1804 гг. занимал В.Н. Каразин. Предложенный им проект, предназначенный для открывающегося университета в Харькове, отличался смелостью и самостоятельностью до такой степени, что не мог быть соотнесен с каким-либо существовавшим прообразом. Университет Каразина, с одной стороны, сочетал в себе среднее и высшее образование (в виде обязательных для всех учащихся подготовительных отделений «общих познаний» и «приятных искусств»), а с другой – предусматривал специальные высшие факультеты «военных познаний», «гражданских искусств» (архитектуры, механики, геодезии и др.), «изящных художеств». Управление университетом планировалось совершенно отлич-

ным от корпоративного – его должен был возглавить особый комитет, куда включались несколько профессоров по выбору общего собрания, но председательствовать в нем, как предполагалось, будет директор, назначаемый дворянством Харьковской губ. Назначением профессоров и учебными делами должна вести специальная комиссия, также контролируемая представителями губернского дворянства, которое, по мысли Каразина, и будет содержать университет из собственных средств, не обращаясь за помощью к государству¹¹.

На мой взгляд, все эти изменения в структуре университета, а по сути – новое содержание, которое Каразин вкладывал в это понятие, свидетельствовали о его отрицательном отношении к существовавшему типу немецкого университета, как, впрочем, и к системе образования революционной Франции. Первый ректор Дерптского университета, профессор Г.Ф. Паррот, в письме Каразину замечал, что тот сумел «освободиться от всех предрассудков, под влиянием которых составляли уставы других университетов, не исключая и нашего (Дерптского. – А.А.), самого новейшего», и что в отличие от Дерпта опыт немецких университетов не должен довлеть над Харьковом как «более отдаленным от Германии и не имеющим с ней таких связей»¹². Тем не менее будущее показало нежизнеспособность и утопичность чересчур масштабного проекта Каразина, который, как представляется, слабо повлиял на окончательный вид устава 1804 г.

Критика средневековых традиций в облике университетов высказывалась и на страницах «Периодического сочинения о народном просвещении» (издатель – Н.И. Фус). В 1804 г. здесь была опубликована статья «О начале Парижского университета», где на примере средневековой Франции формулировались главные направления критики университетов с позиций Просвещения, и прежде всего критика их корпоративного устройства, т.е. неподконтрольного государству права распоряжаться учеными степенями и профессорскими кафедрами, при котором процветала «торговля дипломами», а профессорские звания получала «толпа пронырливых невежд». Следствием этого являлись, по мнению автора, низкое качество образования, даваемого университетом, его схоластический характер, неспособность профессоров к научной деятельности¹³.

Итак, убедившись, что европейская «антиуниверситетская» риторика была известна в России, и что многие деятели Главного правления училищ в своих рассуждениях об университетах не только не опирались, а наоборот, отталкивались от их средневековых прототипов, правомерно задаться вопросом, а почему же тогда за высшими школами России по реформе 1803 г. сохранялось название университетов? Одной из главных причин было наличие собственной, пусть и недолгой традиции университетского образования. Неудачная попытка утвердить российский университет в Петербурге (под именем Академического), внутри Академии наук, а затем 50-летний опыт существования Московского университета (хотя и критически оцениваемый в начале XIX в.) все-таки позволяли «легитимировать» университет, и с этой точки зрения важно было, например, что в Утвердительной грамоте, дарованной Московскому университету Александром I в 1804 г., ему от высочайшего имени выражалась благодарность за «столь великое участие в образовании людей способных для Государственной службы».

Наследие несколько иного рода оставило и предшествовавшее царствование Павла I – именно тогда, запретив российским подданным обучение за границей, император пообещал прибалтийскому дворянству открыть университет в Дерпте. Решение это должен был выполнять уже Александр I, и появление в конце 1802 г. второго университета Российской империи также содействовало дальнейшему «усвоению» этого понятия. Значение Дерпта в контексте обсуждаемой темы особенно велико, поскольку это был университет, открытие которого непосредственно предшествовало университетской реформе 1803 г., и в то же время – первый «правильный» университет в России, т.е. университет, устройство которого полностью отвечало содержанию этого понятия в Европе, и прежде всего в Германии. В приведенной цитате из письма Г.Ф. Паррота тот упрекал создателей устава Дерптского университета в следовании «предрассудкам», но если вдуматься, то многие из этих предрассудков как раз и подразумевали утверждение университета в России. Так, именно Дерпская *Alma mater* первой в России

получила 12 декабря 1802 г. Утвердительную грамоту с обозначением своих привилегий, прообраз которой – грамоты (Urkunde) императоров Священной Римской империи – были обязательным условием основания университета в Средневековье и раннем Новом времени. По этому примеру 5 ноября 1804 г. свои Утвердительные грамоты получили и новые университеты в Харькове и Казани, а также уже существующий (но ранее ее не имевший) Московский – это были одни из самых поздних Утвердительных грамот в Европе. «Правильность» университета в Дерпте проявилась также в том, что он первым в России был наделен главным для университета правом присвоения ученых степеней во всех областях наук (Московский университет при своем основании был лишен такого права, и только в 1791 г. получил его в области медицины). При этом вновь проявилось характерное запаздывание – уже в конце XVIII в. в немецких университетах наблюдался упадок института ученых степеней, в результате которого только одна из них – степень доктора – смогла утвердиться в XIX в., тогда как в уставе Дерптского университета, а затем и в общем уставе 1804 г. еще фигурировали три степени – кандидата, магистра и доктора, сохранявшиеся в России в течение всего XIX в., что и послужило исходной причиной известных до сих пор отличий системы ученых степеней России и Европы¹⁴.

Таким образом, вводя в устав Дерптского университета «правильные черты» немецких университетов, его создатели трактовали их не с точки зрения содержания, т.е. как средневековые пережитки, но как уже сложившуюся форму университета, потенциал развития которой еще не исчерпан. Такая двойственность в восприятии университета, не отрицающая его критики, но подразумевавшая уверенность в возможности сочетания прежних форм с современным научным содержанием, указывает на то, что помимо ориентации на Францию, в Главном правлении училищ существовало и иное мнение, связывавшее будущее отечественных университетов с их модернизацией, подобно той, которая произошла в XVIII в. в нескольких университетах Германии, прежде всего в Иене и Геттингене, опыт которых был хорошо известен в России.

Геттинген и Иена в конце XVIII в. представляли собой уникальное явление среди немецких университетов. Науки здесь преподавались на высочайшем в Европе уровне (в особенности медицина, науки о государстве и классическая филология – в Геттингене, история и философия – в Иене, где преподавали Шиллер, Фихте и Шеллинг). В Геттингене столь высокий научный уровень был заложен изначально с момента его открытия в 1737 г. и обеспечивался в дальнейшем за счет мощной финансовой поддержки ганноверского курфюрста, позволившей создавать всю необходимую для ученых инфраструктуру и условия работы, близкие к идеальным. В Иене с ее укорененным с XVI в. и слабо поддающимся изменению корпоративным строем модернизация шла за счет пригласения находившихся вне корпорации экстраординарных профессоров, на плечи которых ложилось чтение наиболее важных курсов¹⁵. Подбором и приглашением профессоров в Иену на рубеже XVIII–XIX вв. занимался советник Веймарского двора И.В. Гете, тогда же там находился и В. фон Гумбольдт, для которого обновленный облик Иенского университета послужил важным звеном при формулировании собственного идеала «университета науки»¹⁶. В 1806 г., когда после занятия Иены наполеоновскими войсками над университетом нависла угроза закрытия, Гете обратился к французскому интенданту с докладной запиской, содержащей пространное «оправдание университета» и стремящейся доказать, что он хотя и сохранил традиционную корпоративную форму, но, «по свидетельству немецкой и иностранной публики, в нем в течение последних тридцати лет особенно культивируются науки и искусства», а университет «окружен научными обществами и другими полезными учреждениями, почитаемыми в ученом мире»¹⁷.

Опыт модернизированных немецких университетов способствовал их «оправданию» не только, как в случае с Гете, в глазах Наполеона (не ставшего, кстати, закрывать и Геттингенский университет при оккупации Ганновера), но и в России. Независимо от конкретного пути модернизации, была решена основная проблема – повысить «усердие профессоров», т.е. качество образования, причем в роли регулирующего ме-

ханизма везде выступало государство, поскольку именно государство, а не университетская корпорация, могло обеспечить необходимый для этого подбор ученых, а также закупку научного оборудования, книг и т.д.

Все эти мысли находили отклик в Главном правлении училищ. Проводником влияния обновленных немецких университетов здесь выступал товарищ министра народного просвещения М.Н. Муравьев. Назначенный в 1803 г. попечителем Московского университета, он занимался приглашением сюда новых профессоров, ориентируясь именно на облик Геттингена. При этом важен был сам выбор Муравьевым иностранных корреспондентов на роль посредников между Главным правлением училищ и немецкими университетами. Один из них, К. Мейнерс являлся не только ведущим профессором Геттингенского университета, но и теоретиком университетского образования, на чьи идеи опирался В. фон Гумбольдт (так, в частности, Мейнерс доказывал неэффективность, с точки зрения развития науки, выборности профессуры внутри ее же корпорации, где господствуют партии и интриги, и настаивал на назначении профессоров государством, что и вошло в модель Гумбольдта). Другой корреспондент Муравьева, профессор красноречия в Иене К.Г. Шиц (Schütz) в конце XVIII в. издавал вместе с Ф. Шиллером выходившую при университете «Литературную газету», а в своих работах также выдвигал новые подходы к университетскому образованию¹⁸.

Среди других членов Правления, близких по взглядам к Муравьеву, следует назвать С.О. Потоцкого – попечителя Харьковского университета. В речи на его открытии Потоцкий особо выделил значение для России устройства университетов «наподобие Геттингенского, Иенского и других, куда курфюрсты и владетельные князья не поставляют за стыд посылать своих детей»¹⁹. Поскольку и Потоцкий, и Муравьев одну из целей своей университетской политики видели в привлечении дворянства к высшему образованию, то и в этом смысле модернизированные немецкие университеты давали им важный пример – именно в Геттингене, как и в Иене конца XVIII в., изменился состав студенчества, приобретающего все более «благородный» характер благодаря изменению духа преподавания от прежней схоластики к идеям Просвещения.

Опыт реформ в Иене должен был быть близок и Ф.И. Клингеру – попечителю Дерптского университета, писателю и другу Гете (отметим также, что именно через посредничество дерптских кураторов Муравьев впервые установил связи с К. Мейнерсом). Даже Фус, выступавший сторонником французской системы преподавания наук, в 1803 г. опубликовал в «Периодическом сочинении» изложение брошюры советника ганноверского двора Брандеса «О современном состоянии Геттингенского университета» с собственным сочувственным комментарием²⁰. В брошюре, в частности, выражались идеи о том, что университет должен быть не только хранителем знаний, но и «распространять и передавать оные потомству, если возможно, с приумножением оных», а также, что «если университет будет одною только школою, то учение может сделаться некоторым родом ремесла, к великому вреду наук и цели самого учения». Оба эти положения – научное значение университетов и их противопоставление школам – были затем развиты В. фон Гумбольдтом. Фус также подробно излагал критику Брандесом «новейших мнений» о создании университетов «для некоторых отраслей человеческих знаний» (явно направленную против французских специализированных высших школ) и его слова о том, что «все науки имеют взаимную связь, которая между ними гораздо теснее, нежели как обыкновенно думают» и что «Геттингенский университет может представить нам многие сему доказательства», а «профессора получают великую пользу от соединения своего в одно место, и сие полезнее еще для молодых людей». Подчеркну, что высказанная здесь идея происходящего в университете синтеза наук, новая для того времени, над философским содержанием которой в конце XVIII – начале XIX в. трудились Кант, Фихте и Шеллинг, станет краеугольным камнем в здании «гумбольдтовского университета».

Идея организации будущего российского университета по образцу обновленного немецкого яснее всего выразилась в проекте университетского устава, представленном в начале 1804 г. в Главное правление училищ М.Н. Муравьевым²¹. Многие из поло-

жений этого документа войдут затем в окончательный текст устава 1804 г., однако в проекте они были сформулированы более четко и последовательно. Так, впервые на российском образовательном пространстве выдвигался принцип свободы преподавания и мнений внутри университетов (возникший в Германии XVIII в. как раз в ходе их модернизации): «Мнения в науках не должны служить поводом гонений... Взаимное уважение профессоров друг к другу должно служить облегчить им способ общего советования в рассуждении ученых трудов,.. почему и может каждый из них при начатии Академического года представить свой образ учения и книги, которым в преподавании намеревается последовать, для сочинения потом общего обозрения лекций». Подобно тому, как это было в Геттингене и Иене, при университете предусматривались ученые общества (что вошло в § 11 устава 1804 г.). И действительно за период попечительства Муравьева в Московском университете таких обществ было открыто три, и еще два не получили развития. Также Муравьев предполагал законодательно закрепить издание при университете «Ученых ведомостей, содержащих рассмотрение всех новых книг и откровений в науках как в России, так и в чужих краях» (по образцу «Göttinger Gelehrte Anzeigen»): такая газета выходила в Москве в 1805–1807 гг. при поддержке попечителя, но после его смерти ее выпуск прекратился, а в окончательном тексте устава такое издание отражено не было.

В проекте Муравьева обращалось серьезное внимание на научную деятельность университета, на то, что ему «должно прилагать к тому свои старания, чтоб быть всегда наравне с состоянием науки в других странах Европы и приобщать к курсу учения все новые откровения, получившие одобрения ученых». Сопоставляя это с § 60–62 устава 1804 г., требовавшими от желающих занять должности профессоров и адъюнктов представить свои сочинения, можно увидеть, что тем самым впервые в России были намечены научные требования к занятию профессорских должностей, означавшие, что эффективность преподавания в университете оценивалась именно с точки зрения участия профессоров в научном процессе, как это и было позднее закреплено в принципах Гумбольдта.

На практике именно этим критериям при наборе новых профессоров следовали первые попечители: М.Н. Муравьев – в Московском, С.О. Потоцкий – в Харьковском, С.Я. Румовский – в Казанском университетах. Что же касается возможности пополнения состава профессоров через выборы, то прежняя корпоративная замкнутость этой процедуры нарушалась, и Муравьев в своем проекте предлагал ставить их под контроль попечителя, который мог принимать или отвергать выбор профессуры. В более мягкой форме тот же принцип был введен и в окончательный текст устава (§ 61): «Совет об избранном предварительно представляет Попечителю и ожидает утверждения министра народного просвещения».

С другой стороны, в проекте Муравьева, как и в уставе 1804 г., сохранялись такие рудименты корпоративного устройства, как университетский суд (а в проекте – даже университетская темница). Объяснить это достаточно легко, если вновь обратиться к особенностям обновления немецких университетов XVIII в. – хотя облик Геттингенского и Иенского университетов значительно изменился, но в основе обоих (даже более молодого Геттингенского) еще лежали статуты, даровавшие им все обыкновенные корпоративные привилегии, в том числе и «академическую свободу» в средневековом понимании, т.е. право собственного суда. Другое дело, что именно благодаря менявшемуся облику университетов эти корпоративные привилегии отступали на второй план и в них не вкладывали прежнего значения когда, например, в средние века университетский суд мог выносить даже смертные приговоры. Поэтому, опираясь на устройство модернизированных немецких университетов, в Россию были перенесены и некоторые пережитки, коренившиеся в более раннем времени.

Итак, из проведенного анализа можно заключить, что устав российских университетов, окончательно утвержденный Александром I 5 ноября 1804 г., носил до некоторой степени противоречивый характер. Из Польши и Франции в него вошло представление о высшей школе, управляющей низшими народными училищами; разделение на-

ук по примеру французского Национального института. С другой стороны, в уставе отразился новый облик немецкого университета – собрания профессоров, ведущих «благородный образ» жизни, занимающихся собственными научными исследованиями, участвующих в деятельности разнообразных ученых обществ, исследующих весь круг наук в его единстве. Возможно, именно дававший основу для этого идеала опыт Геттингена и способствовал тому, что университеты все-таки были включены в систему народного образования России, несмотря на их массовый упадок в Европе. Тем самым в образовательной политике России уже в начале XIX в. возникли многие принципы, достигнутые в обновленных германских университетах, которые десятилетием позже станут идейной основой деятельности В. фон Гумбольдта в той же степени, в какой Геттингенский и Иенский университеты рубежа XVIII–XIX вв. вообще были предшественниками «немецкого классического университета».

Следует отметить также, что в России в процессе университетского строительства с самого начала превалировала роль государства, а центральной фигурой, определявшей развитие каждого университета, становился его попечитель. От него требовалось непрерывное деятельное участие в жизни университета, без чего развитие последнего замедлялось (так, к сожалению, М.Н. Муравьев успел пробыть на своем посту лишь 4 года, а сменившие его люди проводили совершенно иную политику). Такой остановке развития способствовали и пережитки корпоративной автономии, за что авторы устава 1804 г. получали, например от В.Н. Каразина, упреки в том, что русские университеты создаются «на манер германских XV века»²². Все это предвещало новую стадию университетских реформ в России, которой, однако, предшествовал период отхода назад и попыток существенной ревизии университетских принципов, установленных в начале XIX в.

Министерство А.Н. Голицина: эпоха «запретов» немецких университетов

В первое десятилетие XIX в. заложенная реформами тесная связь российских и немецких университетов сохранялась. Более полусотни профессоров, преподававших прежде в Германии, заняли кафедры в России – Московском, Харьковском и Казанском университетах (не считая Дерптского, который практически полностью был составлен из немецких ученых). Большая часть этих профессоров представляла реформированные немецкие университеты. Особо значительной в развитии российского высшего образования в 1800-е гг. оставалась роль Геттингенского университета (только в Казань прибыли 9 его представителей). О том же красноречиво свидетельствует и составленная в 1808 г. попечителем Петербургского учебного округа, президентом Академии наук Н.Н. Новосильцевым инструкция для обучения за границей 12 будущих профессоров Петербургского университета: практически по всем наукам попечитель хотел направить их к геттингенским наставникам (это была самая многочисленная единовременная командировка туда русских студентов)²³.

Однако уже накануне Отечественной войны начало ощущаться и определенное неудовлетворение результатами реформ. Главной проблемой являлось слабое наполнение новой системы российских университетов студентами, годными для дальнейшей государственной службы. С одной стороны, к университетскому образованию тянулось мало представителей дворянства, с другой – некоторые из них предпочитали обращение к первоисточнику и ехали учиться в немецкие университеты (особенно это относилось к прибалтийским провинциям). В 1811 г. Н.М. Карамзин писал: «Вся беда от того, что мы образовали свои университеты по немецким, не рассудив, что здесь иные обстоятельства. В Лейпциге, в Геттингене надобно профессору только стать на кафедре – зал наполнится слушателями. У нас нет охотников для высших наук»²⁴. Эта нехватка отражалась не только на недостаточном числе студентов, но и на составе профессоров. В 1810–1820-е гг. сами по себе профессорские корпорации не могли обеспечить воспроизводство своего состава на тех критериях научного отбора, которым следовали в начале XIX в. Характерным показателем являлось количество защищен-

ных диссертаций на высшую ученую степень доктора. Так, в Московском университете за период с 1820 по 1830 г. была защищена всего одна диссертация по нравственно-политическому отделению, три – по словесному и ни одной по физико-математическому²⁵. Обновление корпорации в это десятилетие шло очень медленно, что объективно приводило к ее «старению» и снижению научного уровня. К сожалению, в целом изменился и вклад попечителей, первое поколение которых, участвовавшее в разработке реформ, ушло, а заступившие на их место (П.И. Голенищев-Кутузов в Москве, З.Я. и Е.В. Карнеевы в Харькове и др.) думали не о помощи университету, а об укреплении своей личной власти в нем, активно участвуя в интригах, борьбе профессорских партий и стараясь «замещать кафедры людьми, удовлетворявшими требованиям благонамеренности, а не научного ценза»²⁶.

Наблюдался упадок и такого важного для роста университетского научного уровня института как заграничные командировки молодых ученых, готовящихся стать профессорами, из-за нехватки финансовых средств в связи с резким падением курса рубля в первом десятилетии XIX в. Между тем в конце 1810-х гг. вообще была поставлена под вопрос целесообразность обучения русских студентов в немецких университетах. Свидетельством изменения правительственного курса явилось назначение кн. А.Н. Голицына на пост министра духовных дел и народного просвещения. Начало же этого поворота произошло в 1818 г., как непосредственный ответ на подъем студенческого движения в Германии, что показывает, насколько близкой была среда немецких университетов к образовательной политике России. События в Германии, особенно наиболее громкое из них – студенческий праздник в Вартбурге в октябре 1817 г., на котором представители всех университетов отвергли политику реставрации и провозгласили идею немецкого единства, были восприняты как часть новой революционной волны, захлестывающей Европу и представляющей опасность для России.

Восприятие немецких проблем в контексте российской политики было характерно для члена Главного правления училищ, дипломата, лично близкого к императору, А.С. Стурдзы. В наиболее известной из своих программных записок того времени он, анализируя современное состояние Германии, возлагал всю вину за «брожение умов» на университеты, а точнее – на их старое корпоративное устройство. Другая его записка, содержащая план преобразования Дерптского университета, также ставила целью избавить его от недостатков, унаследованных из Германии. Тем самым одна и та же проблема – пережитки корпоративности – по мысли Стурдзы объединяла неизбежные университетские реформы в Германии, и России.

Характеризуя традиционный немецкий университетский строй, Стурдза писал: «Что они сейчас такое, сии университеты? Ответшалые руины средневековья, объединения без смысла и цели, оживленные надменным корпоративным духом, который сбивает юношей с истинного пути и пагубно влияет на общее настроение». Университеты «всякий день могли бы исчезнуть», но их поддерживала, с одной стороны, «соблазнительность так называемых академических свобод» (т.е. старых университетских привилегий), а с другой – взгляд некоторых немецких правителей на них как на источники финансирования²⁷.

Как видим, былая просветительская критика университетов обрела под пером Стурдзы новую силу. Задачей реформ он считал «разрушить, наконец, корпоративный академический дух, который поистине является источником всех зол»²⁸. Для этого нужно прежде всего отменить все академические привилегии, «смысл которых исчез вместе со средневековьем», уничтожить университетский суд, а студентов, как и профессоров, передать в ведение городской полиции с тем, чтобы они подчинялись всем законам государства, а не составляли в нем «изолированную часть». Интересно, что в своей критике Стурдза как бы не замечал позитивных изменений, произошедших в обновленных немецких университетах, но, видимо, именно потому, что по форме своей они сохранили черты прежних корпораций. Тем не менее советы по изменению университетского управления, которые он давал, согласовывались с практикой модернизации XVIII в. Так, подчеркивая, что единственной обязанностью профессоров должно

быть обучение студентов, Стурдза предлагал хозяйственную часть вручить находящемуся под контролем попечителя Комитету, а формирование профессуры проводить выбором из трех кандидатов, представленных факультетом, который производил бы сам попечитель (именно такая практика сложилась в Геттингене XVIII в. и находила одобрение у К. Мейнера).

Если Стурдза в своей критике высказывал ряд идей, близких к направлению реформ, заданному В. фон Гумбольдтом в Пруссии (недаром в первой из цитированных записок Стурдза ссылался на применение аналогичных принципов при основании Боннского университета), а впоследствии С.С. Уваровым в России, то при этом он в целом все же вкладывал в них охранительное содержание, продиктованное боязнью революции. Другой член Главного правления училищ М.Л. Магницкий был лишен подобной двойственности, сразу провозгласив себя врагом всех немецких университетов. Так, подавая в 1820 г. мнение о приглашении новых профессоров в Казанский университет после его знаменитого «разгрома», Магницкий писал, что «следовало бы обратиться, как доселе бывало, к Германии, но в настоящее время по существу там духу не предвидится в том пользы»²⁹. Изгоняя из России ненавистный ему «дух философизма», Магницкий в то же время не скрывал своих симпатий к учебным заведениям Франции периода реставрации³⁰. И в этом неприятии немецкой университетской среды в целом глава министерства кн. А.Н. Голицын был един с Магницким, а не со Стурдзой (характерно, что проекты последнего одобрения не получили, а сам он вскоре оставил Правление).

Конкретные действия министерства начались с Дерптского университета как наиболее тесно связанного с Германией. В июле 1818 г. его попечитель К.А. Ливен обратился в министерство с представлением о том, что студенты, учившиеся за границей, вредят его университету, ибо «привозят с собою худые нравы и злоупотребления и... тем дают повод к великим беспорядкам и неустройствам»³¹. Характеристики эти имели первоначально, по-видимому, чисто дисциплинарный оттенок, но последующее обсуждение сразу перевело их в политическую плоскость, причем Голицын высказался за полный запрет принимать в российские училища студентов, побывавших за границей. Спустя полтора года к обсуждению этой темы вернулись, теперь уже по инициативе самого Александра I, обратившего внимание на большое число своих подданных из остзейских провинций, обучающихся в Германии, особенно в Гейдельбергском университете (около 30 человек), который «известен по вольнодумству и мятежным правилам наставников и по буйству и развращению питомцев» (последняя фраза из уст императора интересна тем, что показывает эволюцию его взглядов: ведь еще в 1815 г. Александр I с благосклонностью посетил Гейдельбергский университет, старейший в немецких землях, и был торжественно принят там профессорской корпорацией³²).

Вопрос, как спасти «юношество от окружающей его заразы и предохранить подданных от пагубного ее влияния», был поставлен в Комитете министров 20 апреля 1820 г. Мнение Комитета определил А.Н. Голицын, опять обобщивший проблему: «Удаление из Гейдельберга тех, кто теперь там находится, не положит предела в будущем, а известно, что и в тех германских университетах, в которых наставники не осмеливаются явно преподавать слушателям своим правил мятежа, втайне внушают то же, и нельзя ручаться, что при общем духе, господствующем в германских университетах, те же самые обстоятельства, которые ныне встречались в Гейдельберге, не повторились бы в другом университете, и потому в какой бы из тамошних университетов ни были перемещены русские студенты, везде должно ожидать одинаковых последствий»³³. Поэтому Комитет предложил отозвать российских подданных из всех германских университетов, а в качестве «предлога, довольно благовидного», объявить, что отечественные университеты «достигли уже той степени совершенства, при которой нет никакой нужды русскому юношеству обучаться в иностранных училищах».

Мнение Комитета не было сразу утверждено Александром I, испугавшимся его радикализма и неизбежной негативной реакции европейского общественного мнения. В декабре 1820 г. был принят негласный запрет на обучение выходцев из Прибалтики

в Вюрцбургском, Иенском, Гейдельбергском и Гиссенском университетах. В министерстве духовных дел и народного просвещения об этом решении узнали только в июле 1822 г., и тогда Голицын не преминул превратить его в постановление, которое вышло 22 февраля 1823 г. и запретило всем российским подданным учебу в указанных университетах. Важно отметить, что Александр, подписывая этот указ, сказал, что «не имеет намерения заграждать юношеству вход во все университеты германские», и не считает опасными университеты Пруссии и Ганновера. Тем самым, симпатии императора оказывались на стороне Геттингена, а также только что основанных «мудрой попечительностью своих правительств» Берлинского и Боннского университетов, т.е. непосредственных детищ Гумбольдта.

Последний отзвук запретов на поездки в немецкие университеты в 1820-е гг. мы находим в деле о командировании магистра Московского университета М.П. Погодина, рассматривавшемся в Комитете министров в начале 1826 г. В деле упоминается список из находящихся под запретом четырех университетов, а также еще один, составленный вел. кн. Константином обширный перечень университетов и училищ Германии и Швейцарии, в которые тот «с высочайшего дозволения предписал также воспретить отправлять для обучения юношество»³⁴. В последний список были занесены даже прусские Бреслау и Галле, а также Геттинген, Лейпциг, Тюбинген, Базель, все учебные заведения Песталоцци и др. Несмотря на это, большинство членов Комитета склонны были согласиться командировать Погодина, но и здесь выступил Голицын (уже смещенный с поста министра и занимавший должность управляющего почт) с мнением, что «нет пользы посылать сего магистра в чужие края для окончания наук по нынешним обстоятельствам, а удобнее в университете можно дать то образование, которое правительству угодно будет». К последнему мнению присоединился Николай I и командировка была отклонена.

Черта под периодом «отторжения» немецких университетов была довольно неожиданно подведена уже в следующем году, и притом самим же Николаем I. Веское слово в этом сказал профессор Дерпского университета Г.Ф. Паррот, к мнению которого прислушались как прежний, так и новый император. В октябре 1827 г. Паррот представил записку о российских университетах, в которой он доказывал их во всех смыслах недостаточное состояние и предлагал широкую программу подготовки будущих русских профессоров за границей. «Целью является дать русской нации подлинно национальные университеты. Образование должно, наконец, стать врожденным. Чтобы достичь этого, нужно взрастить множество обученных людей, которым можно было бы доверить просвещение нации, не привлекая иностранцев. Однако иностранцы должны стать фундаментом»³⁵. Итогом обсуждения проекта Паррота явилось создание Профессорского института в Дерпте как подготовительного звена перед отправкой в европейские университеты, а на журнале с результатами обсуждения Николай I написал резолюцию, как бы еще раз соглашаясь с Парротом и подводя итог предшествующей эпохе в политике Министерства народного просвещения: «Профессора есть достойные, но их немного и нет им наследников, их должно готовить, и для сего лучших студентов человек двадцать послать на два года в Дерпт, и потом в Берлин или Париж»³⁶.

Исполнение задачи создания «национальных университетов», прозвучавшей в записке Паррота и поддержанной Николаем I, легло на плечи С.С. Уварова.

С.С. Уваров и В. фон Гумбольдт

Новый период во взаимоотношениях немецких и русских университетов начался на рубеже 1820–1830-х гг. массовыми командировками будущих русских профессоров в Берлин, который стал играть для университетского образования в России такую же роль, какую прежде играл Геттинген. Открывшийся в 1810 г. Берлинский университет уже через несколько лет завоевал славу лучшего в немецких землях, к тому же расположенного ближе других к границам России. Однако причины такого перехода лежали

не только в этом. Геттингенский университет, представляя собой «рай для ученых», принадлежал (как сказал, по преданию, Наполеон) «не Ганноверу, и даже не Германии, но целому миру»; иностранцы составляли в нем две трети студентов, а цитировавшийся выше Брандес указывал на благотворительное действие «распространяющегося между учеными духа космополитизма». Берлинский же университет был основан на иных началах: перед ним с самого начала была поставлена задача строительства национального университета. Легендарные слова прусского короля, сказанные после поражения от Наполеона в 1806 г., о том, что его государство должно теперь «духовными силами возместить то, что оно потеряло физически», легли в основу всех проектов основания в столице Пруссии «высшего ученого заведения» (höhere Lehranstalt). И именно В. фон Гумбольдт смог добиться того, что это заведение получило форму университета, который Гумбольдт понимал как «вершину, к которой сходится все, что делается непосредственно ради нравственного усовершенствования нации».

Такое различие Геттингена и Берлина помогает лучше понять характерные особенности двух этапов университетского строительства в России – в 1800-е и в 1830-е гг. Если в начале XIX в., руководствуясь образцом Геттингена, российская образовательная система наполнялась иностранцами, хотя и высокого научного класса, и приобретала «космополитичный» оттенок (известна фраза М.Н. Муравьева, что когда-нибудь «приедут и шведы учиться в Москву», но разве такая задача стояла перед русским образованием?), то в царствование Николая I четко была осознана необходимость построения именно национальной науки из ее российских представителей, не уступающих в то же время европейскому уровню, и как раз такую задачу помогало решить обращение к опыту Гумбольдта в Берлинском университете.

Сопоставление в контексте последнего имен Гумбольдта и Уварова напрашивается само собой, и уже встречалось в историографии³⁷. Действительно, в их политике и даже в этапах биографии можно проследить много общего. Оба они были аристократами по рождению, воспитанию и привычкам, оба получили прекрасное образование дома (при этом Уваров никогда не садился на скамьи университета, а Гумбольдт побывал студентом в Геттингене, но всего три семестра). Университетскую среду они знали, имея друзей и учителей среди ученых, сами с молодости занимались наукой, но не ради профессорской карьеры (такая мысль ни Гумбольдту, ни Уварову не могла прийти в голову), а ради «науки как таковой». Общим научным интересом обоих была классическая филология. Вступив на службу, и тот, и другой избрали дипломатическое поприще, более того, в ходе наполеоновских войн Гумбольдт выполнял ряд миссий в Вене, где в это время в российском посольстве служил Уваров, и, по всей видимости, именно там в 1807–1808 гг. они имели возможность познакомиться. Впоследствии внимание Гумбольдта, углублявшегося в сравнительное языкознание и изучавшего санскрит, привлек составленный Уваровым проект «Азиатской академии», на который он откликнулся сочувственным письмом (1811). Их переписка, затрагивавшая исключительно научные темы, длилась до 1821 г.³⁸ В январе 1809 г. Гумбольдт возглавил департамент образования в Министерстве внутренних дел Пруссии, а год спустя Уваров получил назначение на пост попечителя Петербургского учебного округа.

Оценим сходство задач обоих деятелей просвещения: и тот, и другой дали жизнь столичным университетам. Для Германии это было тем более ново, что никогда раньше университеты не открывались в столицах крупных государств, и даже просвещеннейший барон Г.Ф. Штейн, один из виднейших прусских государственных деятелей того времени, высказывал сомнения, стоит ли наводнять столицу «толпами необузданных студентов». Непросто оказалось открыть университет и в столице России, но по другим, бюрократическим причинам: чиновники министерства не могли так легко смириться с тем, что руководство столичными училищами переходит к университету, составленному отчасти из иностранной профессуры и к тому же корпоративно управляемому.

Решение, найденное Гумбольдтом, оказалось универсальным: сохранив имя, он полностью поменял содержание «автономии». В докладе королю, поданном в мае 1809 г.,

Гумбольдт подчеркивал, что в Берлине основывается именно государственное учреждение, а название «университет» лишь указывает, что «никакие науки не пропущены, и что ученое заведение будет присваивать академические степени; все же устаревшее и являвшееся недостатком, естественно, удалено»³⁹. «Автономия» по Гумбольдту – это автономия науки и ради науки, т.е. внутренняя свобода научной деятельности в университете при внешнем контроле и управлении им государства, которое между тем само ограничивает свое вмешательство в дела ученых, чтобы не мешать научному процессу. Такие идеи были выношены не только Гумбольдтом, но движением немецкого неогуманизма в целом, отразившись в трудах Канта, Фихте, Шеллинга, Шлейермахера и др. Вполне вероятно знакомство с ними и Уварова в период пребывания того в Европе, тем более что в историографии уже давно подмечена взаимосвязь его мировоззрения с немецкой философией⁴⁰.

Открыв в 1819 г. Петербургский университет, Уваров использовал опыт существовавшего здесь прежде Главного педагогического института. Вместе с тем некоторые идеи, реализованные им тогда, если не были напрямую заимствованы у Берлинского университета, то по крайней мере перекликались с образовательными реформами в Пруссии. В специально составленном для министра «Кратком изъяснении о Петербургском университете», Уваров объяснял отличия его от устава 1804 г., подчеркивая свое желание избежать «неудобств, так тесно сопряженных с старыми готическими формами университетов» (что почти совпадает с приведенными выше словами Гумбольдта)⁴¹. Так, в новом университете не предусматривался собственный суд, а хозяйственное управление было отделено им от учебного через введение отдельной должности директора, назначаемого правительством, причем Уваров ссылаясь на прусский пример университета в Галле (первого из немецких университетов, который был основан под контролем государства), где «доказали справедливость этой меры». Решение дел учебного округа было перенесено в особое правление, находившееся, под непосредственным руководством самого попечителя, по сути освобождая ученых от контроля над народными училищами (здесь можно вспомнить, вероятно, известные Уварову слова Карамзина о том, что у нас «лучшие профессора, коих время должно быть посвящено науке, занимаются подрядами свеч и дров..., сверх того обязаны ежегодно ездить по губерниям для обозрения школ... Смешно и жалко видеть сих бедных профессоров, которые всякую осень трясутся в кибитках по дорогам»⁴²).

Интересна не получившая одобрения в министерстве попытка Уварова ввести в Петербургском университете институт приват-доцентуры. Именно в уставе Берлинского университета (1816) приват-доценты, т.е. ученые, имеющие степень доктора и читающие курсы по своему выбору, не получая штатных мест, впервые были «конституированы» как важная часть университета. Уваров же в 1819 г. писал о необходимости приглашения для чтения лекций «докторов без кафедр» (§ 27 проекта устава)⁴³. Хотел Уваров и усилить роль попечителя в подборе профессуры, давая ему право предлагать Совету университета кандидата на открывающуюся вакансию, но и это положение натолкнулось на демагогические возражения Магницкого и не нашло поддержки⁴⁴.

Наиболее полно свои идеи реформирования отечественной университетской системы Уваров смог раскрыть после его назначения в 1833 г. министром народного просвещения. Разработанный при его непосредственном участии новый университетский устав 1835 г. включал некоторые положения, уже опробованные им в Петербургском университете, а в целом стал шагом вперед на пути дальнейшей модернизации российских университетов, заложив основу их «национальной модели», приспособленной к особенностям России и в то же время отразившей изменения функций университетов XIX в. в масштабах всей Европы.

Некоторые принципы реформ были зафиксированы Уваровым уже в первых докладных записках 1832 г., составленных еще в должности товарища министра народного просвещения. Присоединяясь к многократно высказанной критике текущего состояния русских университетов, Уваров полагал, что они «составлены будучи по единой для всех форме, по образцу иностранных по ровной выкройке, еще не принесли жела-

емой пользы и увядали везде как растения иноземные, не пустившие корней и не обещающие плодов». Между тем «преобразование университетов должно быть полное в отношении к преподаванию и к духу, коим они наполнены», причем под этой переменной Уваров понимал вовсе не очередное изгнание «духа философизма», как в эпоху Голицына, а наоборот, рост внимания к науке и уровню преподавания. Указывая на недостаток этого в предшествующую эпоху, он писал: «Когда преподающие должны довольствоваться скудным жалованьем в 2 тыс. руб., когда начальство не находит средства, удалив недостойных, заменить их достойными, тогда университеты должны упадать более и более». Теперь же «преобразование столичных университетов состоит гораздо менее в написании уставов, нежели в разборе людей»⁴⁵. Именно такой «разбор» был продемонстрирован Уваровым осенью 1832 г. во время ревизии Московского университета, где у многих профессоров он отметил «какой-то упадок духа, какую-то лень думать и идти вперед», при этом в основу оценки профессоров была положена их способность «стоять на степенях желаемого образования по своей науке и передавать свои познания»⁴⁶. Таким образом, в формировании профессорского состава вновь возвращались почти утраченные в предыдущие десятилетия научные критерии.

Окончательному утверждению устава 1835 г. предшествовал разбор многочисленных проектов, в которых критика устройства университетов в России соединялась с желанием лучше приспособить их к нуждам русского образования. Их анализ в современной историографии подробно проделан О.В. Поповым и Ф.А. Петровым⁴⁷, поэтому ограничусь указанием того, в чем именно этот устав соответствовал типу университета, разработанному Гумбольдтом и уже приносившему плоды в Европе.

Прежде всего, новый устав устранил черты, не соответствующие функциям «классического университета»: от него было отделено управление учебным округом, теперь окончательно перешедшее к попечителю; исчез университетский суд как пережиток корпоративного строя (собственно с правом студенческой независимости от городских властей было покончено еще раньше, указом от 1 сентября 1827 г., подчинившим своекоштных студентов надзору городской полиции и сопровождавшимся резолюцией Николая I, что «сему иначе и быть не может»⁴⁸). Не оправдавшей себя сочтена была прежняя структура факультетов, особенно существование нравственно-политического отделения, которое, возникнув в революционной Франции, к 1830-м гг. потеряло научную значимость. Устав 1835 г. возвращался, казалось бы, к традиционной структуре из юридического, медицинского и философского факультетов, которая, однако, сохранялась и в немецком классическом университете. При этом новый юридический факультет был специально приспособлен к нуждам российского правоведения, а философский получал совершенно иной смысл, чем раньше, становясь главным факультетом, на котором сосредотачивалось преподавание всего круга «чистых наук», правда, разделенных на два отделения, на одном из которых были сосредоточены гуманитарные, а на другом – естественные предметы. Именно такое видение философского факультета, представлявшего науку в целом, было свойственно гумбольдтовской модели и реализовано в Берлинском университете. Характерным моментом здесь было перенесение преподавания политической экономии и статистики (так называемых камеральных наук, возникших в XVIII в. в составе юриспруденции) с нравственно-политического отделения не на юридический, а на I отделение философского факультета, что также, как представляется, было прямым заимствованием из Берлина.

Устав 1835 г. повышал научные требования к занятию кафедр, предписывая профессорам обязательно иметь степень доктора, а адъюнктам – магистра (§ 76). Обращает на себя внимание Уварова к самому процессу защиты диссертации, чтобы избежать ее профанации: министр требовал заблаговременной публикации и рассылки текстов, чтения перед защитой поступивших отзывов и т.д.⁴⁹ Стремился Уваров и к регулярной ротации преподавательских кадров, чтобы избежать «старения» университета: еще летом 1833 г. им было разработано и утверждено вошедшее затем в § 83 устава положение о статусе «заслуженного профессора» (после 25 лет пребывания в должности), который увольнялся на пенсию с возможностью продолжать преподавание только в слу-

чае отсутствия подходящей замены. Одновременно были значительно увеличены оклады профессоров. Это избавляло их от бедности и необходимости совмещения нескольких должностей, что было характерно для 1820-х гг.

Повышены были требования и к желающим поступить в университет. Уваров, как и Гумбольдт, предлагал допускать сюда студентов, полностью готовых для восприятия высших наук, для чего были проведены реформы гимназий и ужесточение требований к их аттестату (в Пруссии Гумбольдт осуществил сходные меры по упорядочению преподавания в гимназии, а также введению единого гимназического экзамена). Другой схожей реформой оказалось преобразование Академии наук, президентом которой Уваров являлся с 1818 г. § 8 нового устава Академии (1836) предписывал ей «быть в сношении со всеми университетами в империи». Такая осуществлявшаяся Уваровым и ранее тесная связь Академии наук с университетами для Гумбольдта была одним из важных звеньев его модели, поддерживающим научную деятельность университета.

Наконец, вызывавший много нареканий в историографии § 80 устава допускал не только выборы профессора или адъюнкта на вакантное место, но и прямое назначение туда министром «людей, отличных ученостью и даром преподавания, с требуемыми для сих знаний учеными степенями». Излишне повторять, что именно прямое назначение профессоров правительством практиковалось в немецких университетах XIX в. и приносило превосходные результаты. Эффективность этой меры в России сам Уваров доказал, занимаясь распределением на университетские кафедры молодых ученых, прошедших заграничные стажировки, и тем значительно обновив и придав новый импульс развитию всех российских университетов.

Из 120 человек, отправленных в 1830–1840-е гг. за границу по ведомству народного просвещения, около 90 будущих отечественных профессоров учились или проходили стажировку в Берлинском университете; кроме того, они посещали все крупные немецкие университеты⁵⁰. Можно даже сказать, что русские ученые сами отчасти участвовали в становлении «немецкого классического университета»: так, химик Н.Э. Ляковский изучал свойства белков и протеинов в Гиссенском университете в знаменитой лаборатории Ю. Либиха – первой университетской научной лаборатории в Германии – и даже получал от Либиха настоятельные просьбы остаться там для продолжения научной работы. Командировки проводились как за счет Министерства народного просвещения, так и отдельных российских университетов, но в обоих случаях инициатором командировок часто выступал сам Уваров. Характерен в этом смысле его циркуляр от 18 декабря 1842 г., в котором министр, указывая на значительное количество еще остающихся праздными кафедр в отечественных университетах, предписывал «избрать желающих из окончивших с отличными успехами университетский курс» для отправления «в чужие края для усовершенствования по разным частям университетского преподавания» за счет экономических сумм университетов⁵¹. Попечители откликнулись на это предложение, в результате чего в немецкие университеты была отправлена группа из 11 молодых ученых – самая многочисленная в 1840-е гг.

Возвращаясь на родину, будущие профессора, образованные «под руководством первых знаменитостей века, напитанные учением основательным, глубоким и современным, знакомые с духом новейшей философии», вносили в русские университеты «совершенно новый элемент»⁵² – то представление о цельности знаний, основанной на единой научной методологии, которое и было главным завоеванием немецкого классического университета. Поэтому «молодая наука», представителями которой были Грановский, Кавелин, Куторга, Рулье, Зинин и многие другие, определила облик российских университетов 1840-х гг., оказала значительное влияние на студентов и привела к рождению первых отечественных научных школ.

Пропагандистом новых представлений об университетском образовании в эпоху Уварова явился основанный им в 1834 г. «Журнал Министерства народного просвещения». Тема немецких университетов в первые годы звучала почти в каждой его части: это были отчеты русских ученых, касающиеся Германии обзоры систем преподавания или даже совсем короткие статьи, свидетельствующие о подъеме там высшего образо-

вания (как, например, заметка «О лекциях в Мюнхенском университете», в которой упоминалось, что там преподаются 162 предмета 77 профессорами, в числе которых был знаменитый Шеллинг, имевший постоянно на лекциях до 500 слушателей⁵³). Особенно интересен обзор неизвестным автором (инициалы М.Б.) юридического преподавания в Германии, в котором впервые в русской печати выделены в качестве основополагающих черт немецких университетов свобода преподавания и обучения, при этом подчеркнуто, что именно благодаря им эти университеты «почитаются ныне лучшими в Европе»⁵⁴. Поэтому, хотя устав 1835 г. и не вводил в России свободу обучения, а сохранял курсовую систему, переход к новой системе, возможно, был задуман в дальнейшем⁵⁵.

Наступление «мрачного семилетия» положило конец этим планам. 11 марта 1848 г. Уваров был вынужден издать циркуляр, запрещающий заграничные командировки по ведомству народного просвещения, фиксируя не только окончание своей политики, но и приход новой эпохи в отношении к немецким университетам, словно повторяющей черты «голицынской» реакции и ее иррациональной боязни якобы исходящих из-за границы революционных идей. Здесь сыграла свою роль и другая сторона реформ: историки отмечали в модели Гумбольдта существование неизбежных «напряжений» между университетами и государством, и в России это проявлялось куда сильнее, чем в Германии. С самого начала своей деятельности на посту министра Уварову приходилось лавировать между задачами развития науки в университетах, без чего он не мыслил становления их национальной системы, и необходимостью доказывать их «благонадежность» (т.е. ненужность излишнего контролирующего вмешательства в их жизнь). В конце 1840-х гг. такое равновесие нарушилось, что закономерно привело к отставке Уварова.

Таким образом, образовательные реформы в России в течение первой половины XIX в. дважды имели возможность соотносить свое университетское строительство с немецкими образцами – в 1800-х и в 1830-х гг. Эти периоды соответствовали различным этапам развития самих немецких университетов, отразившимся в смене Геттингена Берлином в качестве «образцового» университета: принадлежащая «всему миру» идеальная корпорация ученых сменилась в Германии «национальным» университетом как государственным учреждением. В соответствии с этим, реформы начала XIX в. ориентировались на приглашение немецких профессоров для наполнения российских университетов, а преобразования эпохи Уварова – на воспитание национальных ученых за границей, в той же немецкой университетской среде, которая стала эталоном представлений о науке XIX в. и из которой эти представления перешли и на российскую почву.

Характерные различия двух указанных периодов отразились в уставах 1804 и 1835 гг. Первый из них еще имел противоречивый характер и его противоречия были обусловлены не только конкуренцией образовательных систем Франции и Германии на рубеже XVIII–XIX вв., но и тем, что сама модернизация немецких университетов XVIII в. носила не революционный, а эволюционный характер, сочетая в себе элементы старого и нового, в частности, сохраняя многие пережитки корпоративной автономии. Устав 1835 г. уже был свободен от этих пережитков, ставя главной задачей повышение уровня университетской науки и преподавания. Автономия университета в духе Гумбольдта понималась в нем именно в отношении науки, а такие черты, как создание единого для гуманитарных и естественных наук философского факультета можно считать непосредственным влиянием структуры Берлинского университета. Созданный Уваровым отечественный тип университета был приспособлен к условиям России и в то же время отвечал определению Гумбольдта (быть «вершиной, к которой сходятся все умственные и нравственные усилия нации»).

С другой стороны, несомненной особенностью России по сравнению с Германией была возможность гораздо более глубокого вмешательства Министерства народного просвещения (через попечителей или непосредственно) в развитие университетов. В первой половине XIX в. это дважды приводило к свертыванию политики повышения

преподавательского и научного уровня в сторону реакции, продиктованной страхом перед событиями в Европе. Тем не менее и в 1830-х гг., и впоследствии, в конце 1850-х гг. Россия должна была возвращаться к политике активного взаимодействия с западным ученым миром. Новый этап восприятия здесь «модели Гумбольдта» должен быть соотнесен уже с эпохой Великих реформ, в ходе которых «университетский вопрос» вновь стал играть первостепенную роль в развитии российского общества и государства.

Примечания

¹ См.: Ч е с н о к о в В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Российские университеты в XIX – начале XX века. Сб. статей. Вып. 2. Воронеж, 1996. С. 3–28; Л а п т е в а Л.П. История российских университетов XVIII – начала XX века в новейшей отечественной литературе // Российские университеты в XVIII – начале XX века. Сб. статей. Вып. 5. Воронеж, 2000. С. 3–27.

² П е т р о в Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования в России. Кн. 1–4. М., 1998–2001.

³ Humboldt International. Der Export des deutschen Universitätsmodells im 19. und 20. Jahrhundert / Hrg. Rainer Ch. Schwings. Basel, 2001.

⁴ Подробнее о «модели Гумбольдта» и ее роли в развитии университетского образования в мире см.: А н д р е е в А.Ю. Гумбольдтовская модель классического немецкого университета // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 46–58.

⁵ Humboldt W. von. Schriften zur Politik und zum Bildungswesen. Bd. 4, Darmstadt, 1982. S. 257–258.

⁶ Müller R.A. Geschichte der Universität. Von mittelalterlichen Universitas zur deutschen Hochschule. München, 1990. S. 70.

⁷ В о о с к м а н н Н. Wissen und Widerstand. Geschichte der deutschen Universität. Berlin, 1999. S. 185–186.

⁸ П р е д т е ч е н с к и й А.В. Очерки общественно-политической истории России в 1-й четверти XIX в. М.; Л., 1957. С. 179.

⁹ П е т р о в Ф.А. Указ. соч. Кн. 1. С. 330.

¹⁰ Р о ж д е с т в е н с к и й С.В. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX в. СПб., 1910. С. 383.

¹¹ К а р а з и н В.Н. Сочинения, бумаги и письма. Харьков, 1910. С. 523–534.

¹² Харьковский государственный университет им. Горького за 150 лет. Харьков, 1955. С. 10.

¹³ Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1804. № 6. С. 85–90.

¹⁴ И в а н о в А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. М., 1994. С. 41.

¹⁵ Die Universität Jena. Tradition und Innovation um 1800/ Hrg. von G. Müller, K. Ries und P. Ziche. Stuttgart, 2001.

¹⁶ Z i o l k o v s k i T. Das Amt des Poeten. Die deutsche Romantik und ihre Instituten, Stuttgart, 1992; W a l t h e r H.G. Reform vor der Reform. Die Erfahrungen Wilhelm von Humboldts in Jena 1794 bis 1797 // Humboldt International... S. 33–52.

¹⁷ G o e t h e J.-W. Sämtliche Werke nach Epochen seines Schaffens. München, 1982. S. 899–915.

¹⁸ W a l t h e r H.G. Op. Cit. S. 47.

¹⁹ Периодическое сочинение об успехах народного просвещения. 1806. № 16. С. 451.

²⁰ Там же. 1803. № 2. С. 177–192.

²¹ Опубликовано в кн.: А н д р е е в А.Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М., 2000. С. 271–283.

²² Русская старина. 1875. Т. 13. С. 77.

²³ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1875. С. 530–536;

см. также: РГИА, ф. 733, оп. 20, д. 61.

²⁴ К а р а м з и н Н.М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 66.

²⁵ П е т р о в Ф.А. Указ. соч. Кн. 2. Ч. 1. С. 282.

²⁶ Там же. Ч. 2. С. 189.

²⁷ С т у р д з а А.С. О нынешнем положении Германии (перевод и публикация Е. Ляминой) // Культурные практики в идеологической перспективе. Россия XVIII – начала XX в. [Россия–Russia. Вып. 3]. М., 1999. С. 152–153.

²⁸ ОПИ ГИМ, ф. 404, ед. хр. 21, л. 60 об.

²⁹ Сборник постановлений... Т. 1. С. 1357.

³⁰ С у х о м л и н о в М.И. Исследования по русской литературе и просвещению. Т. 1, СПб., 1889. С. 188.

³¹ Сборник постановлений... Т. 1. С. 1190.

³² D i t t e n b e r g Fr. Die Kaiser in Heidelberg. Heidelberg, 1815. S. 60.

- ³³ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 205, л. 197 об.
- ³⁴ Там же, ф. 733, оп. 29, д. 84, л. 2 об.
- ³⁵ Там у л В. «Профессора есть достойные...» (Профессорский институт в 1828–38 гг.) // Таллинн. 1991. № 1. С. 119.
- ³⁶ Сборник постановлений... Т. 2. Ч. 1. СПб., 1875. С. 96.
- ³⁷ В и т т е к е р Ц. Граф С.С. Уваров и его время. СПб., 1999. С. 11.
- ³⁸ Сохранилось 6 писем В. фон Гумбольдта Уварову: ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 85, л. 208–218; ед. хр. 82, л. 146.
- ³⁹ Humboldt W. von. Gesammelte Schriften/ Hg. von B. Gebhardt. Bd. 10. S. 139.
- ⁴⁰ См. подробнее: З о р и н А.Л. Идеология «православия–самодержавия–народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996.
- ⁴¹ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 35, л. 190.
- ⁴² К а р а м з и н Н.М. Указ. соч. С. 67.
- ⁴³ Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835/ Под ред. С.В. Рождественского. Пг., 1919. С. 74.
- ⁴⁴ Там же. С. 84, 101–102.
- ⁴⁵ ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 38, л. 94–105. Записка С.С. Уварова «О средствах сделать общее воспитание специальным» (1832). Ее более поздний вариант опубликован в кн.: Ш е в ч е н к о М.М. Конец одного величия. Власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003. С. 231–237.
- ⁴⁶ Сборник постановлений... Т. 2. Ч. 1. С. 503.
- ⁴⁷ П о л о в О.В. Из истории подготовки Общего устава российских университетов 1835 г. // Российские университеты в XVIII–XX вв. Сб. статей. Вып. 3. Воронеж, 1998. С. 42–56; П е т р о в Ф.А. Указ. соч. Кн. 3. С. 78–187.
- ⁴⁸ Сборник постановлений... Т. 2. Ч. 1. С. 71.
- ⁴⁹ П е т р о в Ф.А. Указ. соч. Кн. 3. С. 233.
- ⁵⁰ О лицах, командированных Министерством народного просвещения за границу для приготовления к званию профессоров и преподавателей // Журнал Министерства народного просвещения. 1864. № 2. С. 335–350.
- ⁵¹ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 2. СПб., 1866. С. 647.
- ⁵² Московский наблюдатель. 1838. № 5. С. 250.
- ⁵³ Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 1. № 3. С. 607.
- ⁵⁴ Там же. 1834. Ч. 3. № 8. С. 316–330.
- ⁵⁵ По наблюдению Ц. Виттекер, принципы *Lehrfreiheit* и *Lernfreiheit* отразились в новом уставе университета св. Владимира, принятом в 1842 г., а в 1847 г. Уваров предпринял попытку распространить их на все российские университеты, см.: Виттекер Ц. Указ. соч. С. 202.

М.Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВ: ПУТЬ К ВЛАСТИ*

© 2004 г. В. А. ТВАРДОВСКАЯ**

НА ПОСТУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА В АСТРАХАНИ И ХАРЬКОВЕ: ПОБЕДА НАД ЧУМОЙ И УСМИРЕНИЕ КРАМОЛЫ

После окончания войны М.Т. Лорис-Меликов, увенчанный наградами, возведенный в графское достоинство, в марте 1878 г. увольняется в долгосрочный отпуск для лечения за границей: здоровье его было серьезно подорвано. Михаил Тариелович к этому

* Окончание. Начало см.: Отечественная история. 2004. № 1.

** Твардовская Валентина Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 02-01-00005 а.